

Сяо Чжияй пробормотал это вслух, и внимание всех присутствующих учеников тут же переключилось на десятилетиями нефритовый костный мозг. Однако самого Сяо Чжияя куда больше беспокоил тот кусок теплого нефрита.

Если бы не было веской причины, он ни за что не стал бы упоминать обычный кусок нефрита в одном ряду с таким сокровищем, как костный мозг. В конце концов, если рассуждать здраво, даже материал шкатулки, в которой хранился костный мозг, был куда ценнее, чем этот нефрит.

Но редким был не сам нефрит, а узор на нем.

В тот день Сяо Чжияй взглянул на него лишь мельком, но рисунок показался ему смутно знакомым. Позже, перелистывая семейные архивы, он осознал, что это был родовой знак клана Сяо.

Сяо Чжияй был не настолько несведущ, чтобы не узнать герб собственного клана, просто этот узор немного отличался от тех, что он видел обычно. Он был больше похож на личную печать главы клана Сяо тех времен: обладатель этого нефрита мог беспрепятственно перемещаться по всей территории клана, будь то запретные земли или хранилища, и даже... Видеть этот нефрит — все равно что видеть самого главу. Держащий его человек мог распоряжаться всеми ресурсами клана Сяо, фактически становясь вторым хозяином дома.

Однако Сяо Чжияй невольно вспомнил, как небрежно глава клана отдал его тогда, не проронив ни слова.

Может, глава даже не знал об этом?

В конце концов, это были дела давно минувших дней. Глава покинул дом еще в юности, так что неудивительно, если он забыл. Да и сам Сяо Чжияй узнал об этом лишь случайно, заглянув в древние книги.

К тому же, хотя запрет на теплом нефрите не был снят, так называемое право видеть в нем главу — не более чем особый смысл, приданный ему властью. Если прежний глава мог его отдать, то нынешний, естественно, мог его вернуть. Сяо Чжияй решил, что просто слишком много на себя берет.

Пока Сяо Чжияй предавался размышлениям, слуга-ученик продолжал:

— Да разве тому человеку был нужен только костный мозг? Он еще и на титул супруга главы клана зарился!

Все присутствующие прекрасно понимали: какой там супруг главы? Это же явная попытка прибрать к рукам половину клана Сяо!

Даже те ученики, что отличались выдержкой и до этого молчали, не выдержали:

— Ну и бессовестный же человек!

Впрочем, теперь им было уже не до обсуждения этого жадного до чужого добра негодяя. Кто-то поспешно спросил:

— Глава ведь не согласился, правда?!

— Да как такое возможно? — слуга-ученик замахал руками и покачал головой. — Наш глава мудр, проницателен и справедлив, разве стал бы он идти на поводу у того, кто пытается воспользоваться старой милостью?

Ученики вздохнули с облегчением. Они и вправду боялись, что глава просто так отдаст клан Сяо на растерзание. По тому, как жадно и недальновидно вел себя тот человек, было ясно: появившись у них такой супруг главы, спокойной жизни пришел бы конец.

Вздыхая и сокрушаясь, кто-то заметил:

— И то верно. К тому же есть дядя Бай, как глава мог пойти на такое?

Хотя в знатных семьях титул супруга главы чаще всего был лишь вопросом выгоды, а не чувств, глава уже давно был влюблен. Как он мог просто так отдать этот титул кому попало? Тем более такому алчному человеку.

Тот, кто это сказал, просто поделился мыслями, но это напомнило остальным, с чего вообще начался разговор — с церемонии бракосочетания главы.

Лица некоторых тут же изменились. Кто-то спросил:

— Глава до сих пор не провел церемонию бракосочетания, неужели это связано с тем человеком?!

Слуга-ученик замялся. После настойчивых расспросов он все же ответил:

— Я не знаю всей правды, это лишь догадки... Тот человек совсем потерял стыд, то и дело приходил в поместье Сяо, чтобы донимать главу. Но потом, не знаю почему, он перестал появляться. А после этого глава больше не заводил речи о церемонии. Хотя раньше он не раз намекал на желание связать себя узами брака. Мне кажется, эти две вещи как-то связаны.

Учеников словно осенило: какая там связь? Да тут и сомневаться нечего!

Вспомнив все, что они слышали ранее, ученики решили, что от такого благодетеля можно ожидать чего угодно. Наверняка он воспользовался старой милостью, чтобы заставить главу поклясться, что тот не женится. Даже если истина немного отличалась, она вряд ли была далека от их догадок.

В одно мгновение все принялись возмущенно обсуждать это.

Очевидно, одних слов им было мало. Кто-то воскликнул:

— Глава из чувства долга не может ничего с ним сделать, но кто-то же должен показать этому человеку, что клан Сяо — не его личная сокровищница, из которой можно брать что угодно!

Эти слова нашли горячий отклик, но, решив действовать, они поняли, что даже не знают, как выглядит этот благодетель. И тут все взгляды устремились на Сяо Чжиюя, который, казалось, видел того человека.

Сяо Чжиюй понимал, о чем они хотят спросить, но на самом деле он не разглядел лица того человека.

В тот день он отправился к главе не по самому приятному поводу.

Сяо Ханьчжоу возродил клан Сяо, и все те дальние родственники, которые раньше и знать не хотели о клане, теперь пытались любыми способами присосаться к нему ради выгоды. Сяо Чжиюй, будучи одним из немногих учеников, принятых в клан, конечно же, получил важное поручение.

В юности он был еще чист от жажды наживы. Он восхищался способностью главы в одиночку отомстить за клан и преклонялся перед его силой. Ему претило поведение сородичей, которые искали любую возможность урвать кусок, но сам он был слишком мал и слаб, чтобы противостоять им, поэтому ему приходилось против воли выступать в роли гонца.

В тот день все было так же. Сяо Чжиюй чувствовал, что после его доклада глава будет не в духе.

Хотя глава никогда не вымещал гнев на других, Сяо Чжиюй все равно вел себя крайне осторожно и почтительно — с самого порога он покорно опустил голову и не смел даже поднять глаз.

Поэтому в конце концов он увидел лишь ослепительное золотисто-красное парчовое одеяние и тонкие, изящные пальцы, которые, принимая нефритовый ларец, казались светлее и нежнее самого нефрита.

Странно, но хотя минуту назад он вместе со всеми клеймил этого человека, сейчас, вспоминая

ту сцену, он невольно заколебался: ему казалось, что тот человек не был способен на подобные подлости.

Хотя Сяо Чжиюй даже не видел лица, от того человека исходила аура, которая никак не вязалась с низкими поступками, о которых говорили остальные.

Может, здесь какая-то ошибка?

Едва эта мысль промелькнула в голове, как соученики, не дождавшись ответа, начали наперебой расспрашивать его о внешности того человека. Под их пристальными взглядами Сяо Чжиюй проглотил готовое сорваться с языка признание, что он ничего не знает.

В этом возрасте юноши особенно дорожат своим авторитетом, и Сяо Чжиюй не был исключением.

К тому же он носил фамилию Сяо, был из того же рода, что и глава. В отличие от остальных соучеников, он был настоящим сыном клана Сяо.

В глазах всех Сяо Чжиюй был особенным, и он изо всех сил старался поддерживать этот статус. Его талант не был самым выдающимся среди учеников, но упорным трудом он добился того, что его успехи в совершенствовании намного превосходили остальных, прочно удерживая его на... втором месте.

Каждый раз, вспоминая об этом, Сяо Чжиюй скрежетал зубами.

Он поднял взгляд на юношу в углу. Тот сидел со скрещенными ногами, положив меч на колени, и медитировал. Глаза его были закрыты, а на лице застыло привычное безразличное выражение, словно его ничего в этом мире не волновало.

Сяо Чжиюй вспомнил, что каждый раз, когда во время спаррингов тот легко выбивал меч из его рук, у него было точно такое же выражение лица.

Он почувствовал, как в нем закипает злость: чем он гордится? Просто пришел в клан на пару лет раньше и уровень совершенствования чуть выше, и что, раз его называют старшим учеником, он и вправду возомнил себя старшим?!

Соученики не заметили секундного замешательства Сяо Чжиюя и продолжали окружать его, выпытывая подробности. Внимание толпы льстило его самолюбию. Он подумал: ну и что с того, что он старший ученик? Разве сейчас все соученики не на его стороне?

Стоило ему так подумать, как слова о том, что он ничего не видел, застряли в горле.

Сяо Чжиюй решил: ведь он действительно видел того человека, просто не разглядел лица... Это не считается ложью.

Успокоив себя этими мыслями, Сяо Чжиюй решился. Вспоминая события того дня, он начал описывать наряд того человека.

Когда он упомянул, что ткань одежды похожа на парчу Ткущий огонь, лица учеников исказились от праведного гнева.

В конце концов, пусть парча Ткущий огонь и уступала десятилетиям костному мозгу, но все же была редким сокровищем. Учитывая слова слуги, они были уверены, что и эту ткань он выпросил у главы.

Более того, парча Ткущий огонь не только не боялась ни мечей, ни огня, ни воды, но из-за своего яркого цвета часто использовалась как свадебный наряд. На нескольких знаменитых церемониях бракосочетания на Восточном континенте новобрачные были облачены именно в эту ткань. А учитывая слухи о навязчивых ухаживаниях того человека, ученики решили, что он специально выпросил эту парчу и надел ее, чтобы намекнуть на свои притязания.

— И насколько же сильно ему хотелось замуж?

— Бесстыдство какое, прямо на себя надел.

— Раз уж он способен на такое, какие могут быть приличия?

Все наперебой обсуждали это, и никто не заметил, как в тот момент, когда Сяо Чжиюй упомянул одежду, юноша, сидевший неподалеку с закрытыми глазами и мечом на коленях, открыл глаза.

Он слышал все, что говорили соученики, и лицо, которое Сяо Чжиюй презрительно называл мертвецким, внезапно помрачнело. Выражение лица юноши стало пугающе страшным, а длинный меч на коленях задрожал, откликаясь на чувства хозяина. Однако прежде чем он успел что-либо предпринять, в его ушах раздался голос, полный усмешки:

— Уже не терпится? Чжаоюй, так не пойдет... Твоему характеру еще закаляться и закаляться.

Цзян Чжаоюй, уже готовый подняться, замер, на его лице отразилось замешательство.

Спустя мгновение он плотно сжал губы, на щеках выступили желваки. Но в конце концов он снова сел и одной рукой прижал дрожащий меч.

А тем временем Сяо Чжиюй не мог избежать расспросов о внешности того человека.

Он неестественно отвел взгляд в сторону, но, натянув на лицо маску безразличия, небрежно бросил:

— А как он еще может выглядеть? Лицо вороватое, смотреть противно...

Не успел Сяо Чжиюй договорить, как почувствовал ледящую душу опасность.

Многолетние тренировки не прошли даром: он мгновенно среагировал и резко пригнулся. Поток света пронесся мимо его щеки, оставив глубокий кровавый след.

Соученики еще не поняли, что произошло, но инстинктивно замолчали. На тренировочной площадке, где стало тихо, как при падении иголки, лишь длинный меч, глубоко вонзившийся в землю, продолжал гудеть.

Спина Сяо Чжиюя покрылась холодным потом. Он дрожащей рукой коснулся раны на лице, не смея представить, что было бы, не увернись он в последний момент.

Он медленно отвел взгляд от меча, повернул голову в другую сторону и, скрежеща зубами, по слогам процедил:

— Цзян... Чжао... юй! Ты сошел с ума?!

<http://bllate.org/book/20366/2037262>